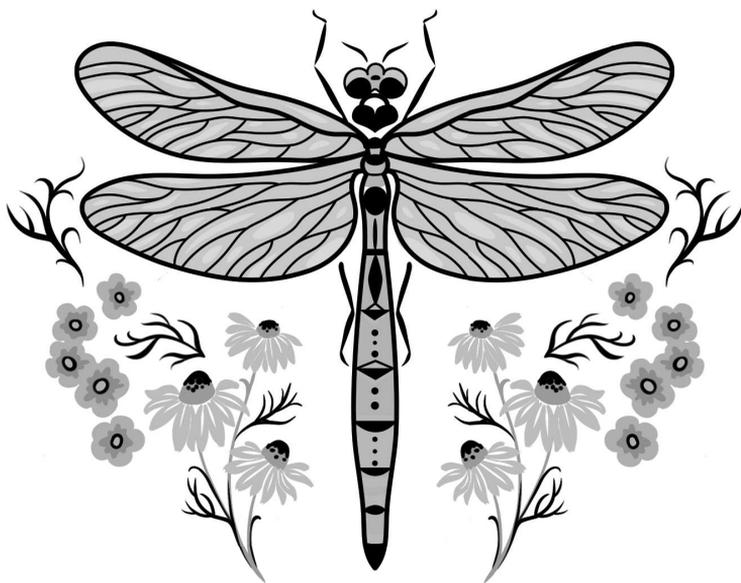

МАГИСТРАЛЬ

АНТОН ЧЕХОВ

О ЛЮБВИ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Ч-56

Разработка серии и художественное оформление
Анастасии Зининой

Чехов, Антон Павлович.

Ч-56 О любви / Антон Чехов. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-229885-1

Антон Чехов (1860–1904) был не только замечательным юмористом, но и тонким психологом. Значительная часть его творческого наследия посвящена исследованию человеческих отношений, и в особенности любви и брака.

В этой книге собраны его повести и рассказы на эту тему: «Зеленая коса», «Шуточка», «Драма на охоте», «Попрыгунья», «Учитель словесности», «Три года», «Анна на шее», «Дом с мезонином», «Человек в футляре», «О любви», «Дама с собачкой» и «Душечка».

Изящные, с налетом фирменного юмора и легкого разочарования, эти истории обнажают глубинные чувства, внутренние терзания и противоречия героев — типично чеховских «ничем не примечательных» людей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-229885-1

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЗЕЛЕНАЯ КОСА

Маленький роман

Глава I

На берегу Черного моря, на местечке, которое в моем дневнике и в дневниках моих героев и героинь значится «Зеленой Косой», стоит прелестная дача. С точки зрения архитектора, любителей всего строгого, законченного, имеющего стиль, может быть, эта дача никуда не годится, но с точки зрения поэта, художника она дивная прелесть. Она мне нравится за свою смиренную красоту, за то, что она своей красотой не давит окружающей красоты, за то, что от нее не веет ни холодом мрамора, ни важностью колонн. Она глядит приветливо, тепло, романтично... Из-за стройных серебристых тополей, со своими башенками, шпицами, зазубринами, шестами, выглядывает она чем-то средневековым. Когда смотрю на нее, я припоминаю сентиментальные немецкие романы с их рыцарями, замками, докторами философии, с таинственными графинями... Эта дача стоит на горе; вокруг дачи густой-прегустой сад с аллеями, фонтанчиками, оранжереями, а внизу, под горой — суровое голубое море... Воздух, сквозь который то и дело пробегает влажный кокетливый ветерок, всевозможные птичьи голоса, вечно ясное небо, прозрачная вода — чудное местечко!

Хозяйка дачи — жена не то грузина, не то черкеса-князька, Марья Егоровна Микшадзе, дама лет 50, высокая, полная и во время оно, несомненно, слывшая красавицей. Дама она добрая, милая, гостеприимная, но слишком уж строгая. Впрочем, не строгая, а капризная... Она нас отлично кормила, превосходно поила, занимала нам во все лопатки деньги и в то же время ужасно терзала. Этикет — ее конек. Что она жена князя — это ее

другой конек. Катаясь на этих двух коньках, она вечно и ужасно пересаливает. Она никогда, например, не улыбается, вероятно, потому, что считает это для себя и вообще для *grandes-dames*¹ неприличным. Кто моложе ее хоть на один год, тот молоко-сос. Знатность, по ее мнению, — добродетель, перед которой все остальное — самая ерундистая чепуха. Она враг ветрености и легкомыслия, любит молчание и т.д. и т.д. Иногда мы едва умели выносить эту барыню. Если бы не дочь ее, то, пожалуй, едва ли мы услаждали бы себя теперь воспоминаниями о Зеленой Косе. Хорошая женщина составляет самое серое пятно в наших воспоминаниях. Украшение Зеленой Косы — дочь Марьи Егоровны, Оля. Оля — маленькая, стройная, хорошенькая блондиночка лет 19. Она бойка и неглупа. Хорошо рисует, занимается ботаникой, отлично говорит по-французски, плохо по-немецки, много читает и пляшет, как сама Терпсихора. Музыке училась в консерватории и играет очень недурно. Мы, мужчины, любили эту голубоглазую девочку, не «влюбились», а любили. Она для нас всех была что-то родное, свое... Зеленая Коса без нее для нас невысказана. Без нее поэзия Зеленой Косы была бы неполной. Она — хорошенькая женская фигурка на прелестном ландшафте, а я не люблю картин без людских фигур. Плеск моря и шепот деревьев сами по себе хороши, но если к ним присоединяется еще сопрано Оли с аккомпанементом наших басов, теноров и рояля, то море и сад делаются земным раем... Мы любили княжну; иначе и быть не могло. Мы величали ее дочерью нашего полка. И Оля любила нас. Она тяготела к нашей мужской компании и только среди нас чувствовала себя в своей родной стихии. Когда нас не было возле нее, она худела и переставала петь. Наша компания состоит из гостей, летних обитателей Зеленой Косы, и соседей. К первым принадлежат: доктор Яковкин, одесский газетчик Мухин, магистр физики (ныне доцент) Фивейский, три студента, художник Чехов, один харьковский барон-юрист и я, бывший репетитор Оли

¹ Благородных дам (*франц.*).

(научивший ее плохо говорить по-немецки и ловить щеглят). Мы ежегодно в мае съезжались на Зеленой Косе и захватывали на целое лето лишние комнаты средневекового замка и все флигеля. Каждый март нас приглашали на Зеленую Косу два письма: одно важное, строгое, полное нотаций — от княгини, другое очень длинное, веселое, полное всевозможных проектов — от соскучившейся об нас княжны. Мы приезжали и гостили до сентября. Соседями, ежедневно приезжавшими к нам, были отставной поручик-артиллерист Егоров, молодой человек, два раза державший экзамен в Академию и два раза провалившийся, очень развитой, начитанный малый; студент-медик Коробов с женой Екатериной Ивановной, помещик Алеутов и многое множество помещиков, отставных, неотставных, веселых и скучных, шалопаев и брандахлыстов... Вся эта банда бесконечно, день и ночь, круглое лето, ела, пила, играла, пела, пускала фейерверки, острила... Оля любила эту банду без памяти. Она кричала, вертелась и шумела больше всех. Она была душой компании.

Каждый вечер княгиня собирала нас в гостиную и с багровым лицом упрекала нас в «бессовестном» поведении, стыдила нас и клялась, что по нашей милости у нее голова болит. Она любила читать нотации; читала их искренно и глубоко была убеждена в том, что ее нотации послужат нам в пользу. Больше всех доставалось от нее Оле. По ее мнению, во всем была виновата Оля. Оля боялась матери. Она ее боготворила и выслушивала ее нотации стоя, молча, покраснев. Княгиня считала Олю дитятей. Она ставила ее в угол, оставляла без завтрака, без обеда. Заступаться за Олю значило подливать масло в огонь. Если бы можно было, то она и нас бы ставила в угол. Она посылала нас ко всенощной, приказывала вслух читать «Четьи-Минеи», считала наше белье, вмешивалась в наши дела... Мы то и дело заносили куда-нибудь ее ножницы, забывали, где ее спирт, не умели найти ей наперстка.

— Разиня! — то и дело кричала она. — Прошел мимо, уронил и не подымаешь! Подними! Сейчас подними! Наказал

меня господь вами... Отойди от меня! Не стой на сквозном ветру!

Иногда для потехи кто-нибудь из нас провинится в чем-нибудь и по донесении призывается к старухе.

— Это ты на грядку наступил? — начинается суд. — Как ты смел?

— Я нечаянно...

— Молчи! Как ты смел, я тебя спрашиваю?

Суд оканчивался помилованием, целованием руки и, по выходе из комнаты судьи, гомерическим смехом. Ласкова с нами княгиня никогда не была. Ласковые слова говорит она только старухам и маленьким детям.

Я ни разу не видал ее улыбки. Старичка-генерала, который по воскресеньям приезжал к ней играть в пикет, она шепотом уверяла, что мы, доктора, магистры, частью бароны, художники, писатели, погибли бы без ее ума-разума... Мы и не старались разубеждать ее... Пусть, думали, тешится... Княгиня была бы сносна, если бы не требовала от нас, чтоб мы вставали не позже восьми часов и ложились не позже 12. Бедная Оля шла ложиться спать в 11 ч. Прекословить нельзя было. Да и издевались же мы над старухой за это незаконное посягательство на нашу свободу! Мы гурьбой ходили просить у нее прощение, сочиняли ей поздравительные стихи ломоносовского пошиба, рисовали геральдическое древо князей Микшадзе и т.д. Княгиня принимала все это за чистую монету, а мы хохотали. Княгиня любила нас. Она глубоко, очень искренно вздыхала, когда выражала нам сожаление, что мы не князья. Она привыкла к нам, как к детям...

Не любила она одного только поручика Егорова. Она его ненавидела всей душой, питала к нему невозможнейшую антипатию. Принимала его только потому, что имела с ним денежные дела и этикетничала. Поручик прежде был ее любимцем. Он красив, удачно острит, много молчит и военный (это княгиня высоко ценила). Но иногда на Егорова что-то находит... Он садится, подпирает кулаками голову и начинает ужасно зло-

словить. Злословит всех и все, не щадя ни живых, ни мертвых. Княгиня выходила из себя и прогоняла из комнат всех нас, когда он начинал говорить злые слова.

Однажды за обедом Егоров подпер голову кулаком и завел ни к селу ни к городу речь о кавказских князьях, потом вытащил из кармана «Стрекозу» и имел дерзость в присутствии княгини Микшадзе прочесть следующее: «Тифлис хороший город. К числу достоинств прекрасного города — в котором «князья» даже улицы метут и сапоги в гостиницах чистят — принадлежит...» и т.д. Княгиня встала из-за стола и молча вышла. Она возненавидела Егорова еще сильнее, когда он в ее поминальнике около наших имен написал наши фамилии. Эта ненависть была тем более нежелательна и некстати, что поручик мечтал о женитьбе на Оле, а Оля была влюблена в поручика. Поручик ужасно мечтал, хоть и плохо верил в исполнение своих мечтаний. Оля любила тайком, украдкой, про себя, робко, чуть заметно... Любовь для нее была контрабандой, чувством, на которое было наложено жестокое veto¹. Ей не позволено было любить.

Глава II

В средневековом замке чуть было не разыгралась одна из глупых средневековых историй.

Лет семь тому назад, когда еще был жив князь Микшадзе, на Зеленую Косу приехал погостить князь Чайхидзев, екатеринославский помещик, друг и приятель Микшадзе. Это был очень богатый человек. Он всю жизнь свою кутил, бешено кутил и, несмотря на это, до конца дней своих был богачом. Микшадзе во время оно был его собутыльником. Вместе с Микшадзе он увез из родительского дома девушку, которая впоследствии стала княгиней Чайхидзевой. Это обстоятельство связало обоих князей прочнейшими узами дружбы. Чайхидзев приехал погостить вместе со своим сыном, пучеглазым, узкогрудым, черно-

¹ Запрещение (лат.).

волосым юношей, гимназистом. Чайхидзев первым долгом вспомнил старину и закутил с Микшадзе, а юноша заухаживал за Олей, тринадцатилетней девочкой. Ухаживание было замечено. Родители подмигнули и заметили, что из юноши и Оли вышла бы недурная парочка. Пьяные князья приказали детям поцеловаться, пожали друг другу руки и сами поцеловались. Микшадзе даже заплакал от умиления.

— Так богу угодно! — сказал Чайхидзев. — У тебя дочь, у меня сын... Так богу угодно!

Детям дали по кольцу и сняли их на одной карточке. Эта карточка висела в зале и долгое время не давала покоя Егорову. Она была мишенью для бесчисленного множества острот. Княгиня Марья Егоровна важно благословила будущих супругов. Ей понравилась от скуки идея отцов. Через месяц после отъезда Чайхидзевых Оля получила по почте роскошный подарок. Такие подарки она получала потом ежегодно. Молодой Чайхидзев взглянул на дело, сверх ожидания, серьезно. Это был довольно ограниченный малый. Он ежегодно приезжал на Зеленую Косу и гостил целую неделю, причем все время молчал и посылал из своей комнаты Оле любовные письма. Оля прочитывала письма и конфузилась. Умная девочка удивлялась, как это может такой большой человек писать такие глупости! А он писал глупости... Два года тому назад умер Микшадзе. Умирая, он сказал Оле следующее: «Смотри, не выйди замуж за какого-нибудь дурака! Выходи за Чайхидзева. Он умный и достойный человек». Оля знала ум Чайхидзева, но отцу не противоречила. Она дала ему слово, что выйдет за Чайхидзева.

— И это воля папы! — говорила она нам, и говорила с некоторою гордостью, как будто бы совершала какой-нибудь громаднейший подвиг. Она гордилась тем, что отец унес с собой в могилу ее обещание. Это обещание было так необыкновенно, романтично!

Но природа и рассудок брали свое: отставной поручик Егоров вертелся пред глазами, а Чайхидзев с каждым годом в ее глазах становился все глупее и глупее...

Когда однажды поручик осмелился намекнуть ей про свою любовь, она попросила его не говорить ей более о любви, напомнила об обещании, данном отцу, и всю ночь проплакала. Княгиня каждую неделю писала письма Чайхидзеву в Москву, где он учился в университете, и приказывала ему поскорей оканчивать курс. «У меня гостят не такие бородатые, как ты, а давно уже курс покончили», — писала она ему. Чайхидзев отвечал ей почтительнейше на розовой бумаге и на двух листах доказывал, что курса ранее определенного срока кончить нельзя. Ему писала и Оля. Письма Оли ко мне далеко лучше писем ее к этому жениху. Княгиня верила в то, что Оля будет женой Чайхидзева, иначе же не пускала бы свою дочь гулять и «заниматься пустяками» в компании забияк, ветреников, безбожников и «некнязей»... Она не могла допустить и сомнения... Воля мужа для нее — священная воля... Оля тоже верила в то, что она со временем будет расписываться Чайхидзевой...

Но не тут-то было. Идея двух отцов порвалась у самого исполнения. Роман Чайхидзева не удался. Этому роману суждено было окончиться водевилем.

В прошлом году Чайхидзев приехал на Зеленую Косу в конце июня. Он приехал на этот раз уже не студентом, а действительным студентом. Княгиня встретила его важными, торжественными объятиями и длинной нотацией. Оля оделась в дорогое платье, сшитое специально для встречи жениха. Из города привезли шампанского, зажгли фейерверк, а на другой день утром вся Зеленая Коса в один голос толковала о свадьбе, назначенной якобы в конце июля. «Бедная Оля! — шептали мы, слоняясь из угла в угол, злобно поглядывая на окна, которые выходили в сад из комнаты ненавистного нам восточного человека. — Бедная Оля!» Оля ходила по саду, бледная, худая, полумертвая. «Так угодно папе и маме!» — говорила она, когда мы начинали приставать к ней с дружескими советами. «Да ведь это глупо! дико!» — кричали мы ей. Она пожимала плечами и отворачивала от нас свое полное скорби лицо; жених сидел в своей комнате, посылал Оле с лакеями

нежные письма и, глядя в окно, удивлялся смелости, с которой мы говорили и держали себя с Олей. Выходил он из своей комнаты только затем, чтобы пообедать. Обедал он молча, ни на кого не глядя, сухо отвечая на наши вопросы. Раз только он осмелился рассказать анекдот, да и тот оказался до пошлости старым. После обеда княгиня усаживала его рядом с собой и учила его играть в пикет. Чайхидзев играл серьезно, много думая, опустив нижнюю губу и вспотев... Такое отношение к пикету нравилось княгине.

Однажды после обеда Чайхидзев улизнул от пикета и побежал за Олей, которая отправилась в сад.

— Ольга Андреевна! — начал он. — Я знаю, вы меня не любите. Сватовство наше, правда, странно, глупо. Но я, но я надеюсь, что вы меня полюбите...

Он сказал это, сильно сконфузился и пошел боком из сада в свою комнату.

Поручик Егоров сидел у себя в имении и никуда не показывался. Он не мог переварить Чайхидзева.

В воскресенье (второе после приезда Чайхидзева), кажется, 5 июля, рано утром явился в наш флигель студент, племянник княгини, и передал нам приказ. Приказ княгини состоял в том, чтобы мы к вечеру были все в порядке: одеты во все черное, белые галстуки, перчатки; были бы серьезны, умны, остроумны, послушны и завиты, как пудели; чтобы мы не шумели; чтобы в комнатах у нас было благоприлично. На Зеленой Косе затевалось нечто вроде сговора. Из города привезли вин, водок, закусок... Наши прислужники были взяты от нас на кухню. После обеда начали съезжаться гости и съезжались до позднего вечера. В восемь часов, после катанья на лодках, начался бал.

До бала у нас, мужчин, была сходка. На этой сходке мы единогласно порешили во что бы то ни стало избавить Олю от Чайхидзева, избавить, хотя бы даже стоило это нам крупнейшего скандала. После сходки я бросился искать поручика Егорова. Он жил в своем именье, в 20 верстах от Зеленой Косы. Я помчался к нему и застал его, но как застал! Поручик был

пьян как стелька и спал мертвецки. Я растолкал поручика, умыл, одел его и, несмотря на его брыкательства и ругань, повез его на Зеленую Косу.

В десять часов бал был в разгаре. Танцевали в четырех комнатах под игру двух прекрасных роялей. В антрактах в саду на горке играл третий рояль. Даже сама княгиня восхищалась нашими фейерверками. Фейерверки мы сжигали в саду, на берегу и далеко в море на лодках. На крыше замка разноцветные бенгальские огни сменяли друг друга и освещали всю Косу. Пьянствовали в двух буфетах: один буфет был в беседке в саду, другой в доме. Героем вечера, по-видимому, был Чайхидзев. С розовыми пятнышками на щеках, с вспотевшим носом, зятый в тесный фрак, он плясал с Олей, болезненно улыбался и чувствовал, что он неловок. Он плясал и следил за каждым своим «па». Ему страстно хотелось блеснуть хоть чем-нибудь, но не сумел он блеснуть ничем. Оля говорила мне впоследствии, что ей в этот вечер было очень жаль бедного князька. Он казался ей жалким. Он как будто бы предчувствовал, что у него отнимут невесту, о которой он, бывало, думал во время каждой лекции, ложась и просыпаясь... Когда он глядел на нас, глаза его были полны мольбы. Он предчувствовал в нас сильных и безжалостных соперников.

По приготовлениям высоких бокалов и по поглядываниям княгини на часы мы заключили, что торжественно-официальная минута приближается, что, по всей вероятности, Чайхидзев в 12 часов получит позволение поцеловать Олю. Нужно было действовать. В половине двенадцатого я попудрил, чтоб казаться бледным, своротил в сторону галстук и с озабоченным лицом и с всклокоченными волосами подошел к Оле.

— Ольга Андреевна, — начал я, схватив ее за руку, — ради бога!

— Что такое?

— Ради бога... Вы не пугайтесь, Ольга Андреевна... Иначе и быть не могло. Это и нужно было ожидать...

— В чем дело?

— Вы не пугайтесь... Того... Ради бога, моя дорогая! Евграф...

— Что с ним?

Оля побледнела и вскинула на меня свои большие, доверчивые, дружеские глаза...

— Евграф умирает...

Оля пошатнулась и пальцами провела по побледневшему лбу.

— Случилось то, чего я ожидал, — продолжал я. — Он умирает... Спасите его, Ольга Андреевна!

Оля схватила меня за руку.

— Он... он... Где?

— Здесь в саду, в беседке. Ужасно, моя дорогая! Но... на нас смотрят. Пойдемте на террасу... Он не обвиняет вас... Он знал, что вы его...

— Что... что с ним?

— Худо, очень худо!!

— Пойдемте... Я пойду к нему... Я не хочу, чтоб он благодаря мне... благодаря мне...

Мы вышли на террасу. У Оли подгибались колени. Я сделал вид, что отер слезу... Мимо нас по террасе то и дело пробегали бледные, встревоженные члены нашей банды с озабоченными, испуганными лицами.

— Кровь остановилась... — шепнул мне магистр физики так, чтобы услышала Оля.

— Идемте! — шепнула Оля и взяла меня под руку.

Мы спустились вниз по террасе... Ночь была тихая, светлая... Звуки рояля, шепот темных деревьев, трещанье кузнечиков ласкали слух; внизу тихо плескалось море.

Оля едва шла... Ноги ее подгибались и путались в тяжелом платье. Она дрожала и со страха жалась к моему плечу.

— Но ведь я же не виновата... — шептала она. — Клянусь вам, что я не виновата. Так угодно было папе... Он должен это понять... Опасно?

— Не знаю... Михаил Павлович сделал все возможное. Он хороший доктор и любит Егорова... Мы подходим, Ольга Андреевна...

— Я... я не увижу ничего ужасного? Я боюсь... Я не могу видеть... И для чего это он вздумал?

Оля залилась слезами.

— Я не виновата... он должен был понять. Я ему объясню.

Мы подошли к беседке.

— Здесь, — сказал я.

Оля закрыла глаза и обеими руками ухватила за меня.

— Я не могу...

— Не пугайтесь... Егоров, ты еще не умер? — крикнул я, обращаясь к беседке.

— Пока еще нет... А что?

У входа в беседку показался освещенный луною поручик, растрепанный, бледный от перепоя, с расстегнутым жилетом...

— А что? — повторил он.

Оля подняла голову и увидела Егорова... Она посмотрела на меня, потом на Егорова, потом опять на меня... Я засмеялся... Лицо ее просияло. Она вскрикнула от радости, сделала шаг вперед... Я думал, что она на нас рассердится... Но эта девочка не умела сердиться... Она сделала шаг вперед, подумала и бросилась к Егорову. Егоров быстро застегнул жилет и растопырил руки. Оля упала ему на грудь. Егоров засмеялся от удовольствия, повернул в сторону голову, чтоб не дышать на Олю, и забормотал какую-то чепуху.

— Вы не имеете права... Я не виновата, — залепетала Оля. — Так угодно папе, маме и т.д.

Я повернул назад и быстро зашагал к освещенному замку.

В замке между тем публика готовилась к поздравлению жениха и невесты и нетерпеливо поглядывала на часы... В передних толпились лакеи с подносами; на подносах стояли бутылки и бокалы. Чайхидзев нетерпеливо мял правую руку в левой и глазами искал Олю. Княгиня ходила по комнатам и искала Олю, чтоб дать ей наставление, как держать себя, что ответить матери и т.д. Наши улыбались.

— Не знаешь, где Оля? — спросила меня княгиня.

— Не знаю.

— Поди поищи.

Я сошел в сад и, заложив руки назад, обошел раза два вокруг дома. Наш художник заиграл на трубе. Это значило: «Держи, не выпускай!» Егоров отвечал из беседки криком совы. Это значило: «Хорошо! Держу!»

Походив немного, я вошел в дом. В передних лакеи поставили подносы на столы и, стоя с пустыми руками, тупо поглядывали на публику. Публика, в свою очередь, с недоумением поглядывала на часы, на которых большая стрелка показывала уже четверть. Рояли замолкли. Во всех комнатах царила глубокая, томительная, глухая тишина.

— Где Оля? — спросила меня багровая княгиня.

— Не знаю... В саду нет.

Княгиня пожала плечами.

— Разве она не знает, что уже давно пора? — спросила она, дернув меня за рукав.

Я пожал плечами. Княгиня отошла от меня и зашептала что-то Чайхидзеву. Чайхидзев тоже пожал плечами. Княгиня и его дернула за рукав.

— Дурралей! — заворчала она и забегала по всему дому. Горничные и гимназисты, родственники княгини, с шумом сбежали по лестнице и отправились в глубину сада искать исчезнувшую невесту. Я тоже пошел в сад. Я боялся, что Егоров не сумеет задержать Олю и испортит задуманный нами скандал. Я направился к беседке. Напрасно я боялся! Оля сидела возле Егорова, водила перед его глазами своими пальчиками и шептала, шептала... Когда Оля переставала шептать, начинал бормотать Егоров. Он внушал ей то, что княгиня называет «идеями»... Каждое свое слово он подслащивал поцелуем. Он говорил, лез ежесекундно целоваться и в то же время отворачивал в сторону свой рот, боясь, чтобы Оля не почувала водочного запаха. Оба они были счастливы, забыли, по-видимому, все на свете и не замечали времени. Я постоял немного у входа в беседку,

возрадовался духом и, не желая нарушать счастливого покоя, пошел к замку.

Княгиня выходила из себя и нюхала спирт. Она терялась в догадках, сердилась, стыдилась гостей, жениха... Она никогда не дерется, но дала горничной пощечину, когда та доложила ей, что княжны нет нигде. Гости, не дождавшись шампанского и поздравлений, заулыбались, заплетничали и опять взялись за танцы.

Пробил час, Оля не показывалась. Княгиню разбирало бешенство.

— Это все ваши штуки! — шипела она, проходя мимо кого-либо из нас. — Будет ей на орехи! Где она?

Наконец нашелся благодетель, который сообщил ей, где Оля... Этим благодетелем оказался маленький пузатый гимназистик, племянник княгини. Гимназистик прибежал из сада как угорелый, подскочил к княгине, сел ей на колено, пригнул к себе ее голову и зашептал ей на ухо... Княгиня побледнела и до крови укусила себя за губу.

— В беседке? — спросила она.

— Да.

Княгиня поднялась и с гримасой, похожей на официальную улыбку, объявила гостям, что у Оли болит голова, что она просит извинить и т.д. Гости изъявили сожаление, наскоро поужинали и начали разъезжаться.

В два часа (Егоров поусердствовал и задержал Олю до двух) я стоял у входа на террасу за стеной из олеандровых деревцов и ждал возвращения Оли. Мне хотелось посмотреть на Олино лицо. Я люблю женские счастливые лица. Мне хотелось посмотреть, как любовь к Егорову и в то же время страх перед матерью совместятся на одном и том же лице; и что сильнее: любовь или страх? Я недолго дышал запахом олеандров. Оля скоро показалась. Я впился глазами в лицо ее. Она шла медленно, приподняв немного платье и показывая свои маленькие башмачки. Лицо ее было хорошо освещено луной и фонариками, висевшими на деревьях и своим мельканьем портившими лунный свет. Лицо

было серьезно, бледно. Чуть-чуть улыбались одни только губы. Глаза задумчиво смотрели в землю; с такими глазами решают обыкновенно трудные задачи. Когда Оля ступила на первую ступень, ее глаза засуетились, забегали: она вспомнила мать. Оля слегка коснулась рукой помятой прически, некоторое время постояла нерешительно на первой ступени и, тряхнув головой, смело пошла к двери... Но тут суждено было мне увидеть картину... Распахнулась дверь, и бледное лицо Оли осветилось ярким светом. Оля вздрогнула, сделала шаг назад и слегка присела... Ее как будто что-то приплюснуло... На пороге, подняв голову, стояла княгиня, красная, дрожащая от гнева и стыда... Минуты две длилось молчание.

— Дочь князя, — заговорила княгиня, — и невеста князя ходит на свидания с поручиком?! С Евграфкой! Мерзкая!

Оля съежилась в три погибели и, трепещущая, змейкой проскользнула мимо княгини и полетела в свою комнату. Она села на свою постель, и глаза, полные ужаса и тревоги, не спускала с окна в продолжение всей ночи...

В третьем часу ночи у нас опять была сходка. На этой сходке мы посмеялись над опьяневшим от счастья Егоровым и снарядили харьковского барона-юриста к Чайхидзеву. Князь еще не спал. Харьковский барон-юрист должен был «дружески» указать Чайхидзеву на неловкость его, Чайхидзева, положения, попросить его, чтоб он, князь, как развитой человек, взял бы на себя труд уяснить себе эту неловкость, и попросить его, между прочим, чтоб он извинил нас за наше вмешательство, извинил бы «по-дружески», как развитой человек... Чайхидзев ответил барону, что он «все это хорошо понимает», что он не придает значения отцовскому завещанию, но любит Олю, а потому и был так настойчив... Он с чувством пожал барону руку и обещал завтра же уехать.

На следующее утро Оля явилась к чаю бледная, разбитая, полная самых отчаянных ожиданий, ей было и страшно, и стыдно... Но лицо ее просияло, когда она в столовой увидела и услышала нас. Мы всей компанией стояли перед княгиней и кричали. Кри-

чали все разом. Мы сбросили наши маленькие маски и громко внушали старой княгине «идеи», очень похожие на те, которые внушал вчера Оле Егоров. Мы говорили о личности женщины, о законности свободного выбора и т.д. Княгиня молча, угрюмо слушала нас и читала письмо, присланное ей Егоровым, — это письмо было сочинено всей компанией и было переполнено словами: «по малолетству», «по неопытности», «вашими благословениями» и т.д. Княгиня выслушала нас до конца, до конца прочла длинное письмо Егорова и сказала:

— Не вам, молокососам, учить меня, старуху. Знаю, что делаю. Выпивайте чай и поезжайте отсюда кружить другие головы. Вам не жить со мной, со старухой... Вы люди умные, а я дура... С богом, сударики!.. Век вам буду благодарна!

Княгиня нас гнала. Мы написали ей благодарственное письмо, приложились к ее руке и, скрепя сердца, выехали в тот же день в имение Егорова. С нами выехал и Чайхидзев. У Егорова мы занимались только тем, что кутили, скучали об Оле и утешали Егорова. Прожили мы у него недели две. На третьей неделе наш барон-юрист получил от княгини письмо. Княгиня просила барона приехать на Зеленую Косу и написать ей какую-то бумагу. Барон поехал. Дня через три после отъезда поехали и мы туда же, якобы за бароном. На Зеленую Косу приехали мы перед обедом. В дом мы не входили, а слонялись по саду, поглядывая на окна. Княгиня увидела нас в окно.

— Это вы приехали? — крикнула она.

— Мы.

— Дело есть, что ли?

— За бароном.

— Барону некогда с вами, висельниками, фордыбасничать!

Он пишет.

Мы сняли шляпы и подошли к окну.

— Как ваше здоровье, княгиня? — спросил я.

— Чего слоняетесь? — ответила княгиня. — Идите в комнаты!

Мы вошли в комнаты и смиренно расселись по стульям. Княгине, страшно соскучившейся об нашей компании, понравилось

это смирение. Она нас оставила обедать. За обедом одного из нас, уронившего ложку, она выбрала разиней и упрекнула нас, что мы не умеем держать себя за столом. Мы погуляли с Олей, остались переночевать... Переночевали и другую ночь и застряли на Зеленой Косе до самого сентября. Мир склеился сам собой.

Вчера получил письмо от Егорова. Поручик пишет, что всю зиму он «подмазывался» к княгине и успел гнев княгини переложить на милость. Он уверяет, что летом будет его свадьба.

Вскоре я должен получить два письма: одно строгое, официальное от княгини, другое длинное, веселое, полное проектов от Оли. В мае я еду опять на Зеленую Косу.

1882